

К 88-летию Олжаса Сулейменова

Светлана АКСЁНОВА-ШТЕЙНГРУД

УШИБЛЕННЫЙ ЗВЕЗДОЙ

Об Олжасе Сулейменове писать легко: афористичные строки его стихов, научных исследований, эссе, воспоминаний хочется цитировать бесконечно. Об Олжасе Сулейменове писать трудно – по той же причине: получится не статья, а сплошное цитирование. И всё же я начну с цитаты: «Каждому племени нужен один человек, ушибленный звездой». Эти слова говорят об их авторе – ярком представителе своего племени, ни на кого не похожем, уникальном, «ушибленном», то есть озаренном светом звезды. Как правило, уникальная личность чувствует свое призвание с детства, но у каждой – свои обстоятельства взлета. У Сулейменова они связаны со взлетом всего человечества: первым полетом человека в космос.

Вспоминая 12 апреля 1961 года, Олжас Сулейменов в предисловии к публикации поэмы «Земля, поклонись человеку» пишет: «Кому из авторов стихов довелось пережить такое! Мое импровизированное творенье, второпях, по-акынски начертанное утром в кабинете редактора, было набрано, отпечатано многотысячным тиражом и распространено с небес!» Вертолет разбрасывал стихи поэта над нашей прекрасной Алма-Атой, над утопающими в зелени домами, над площадями с фонтанами, над стройными улицами, убегающими к снежным вершинам Алатау. У весны в Алма-Ате потрясающий запах, лучше любых духов, запах цветущих деревьев – яблонь, вишен, урюка, запах журчащих арыков, спускающихся с тающих вершин снежного Алатау. Бело-розовые лепестки кружились в воздухе – вместе с бело-розовыми листовками. На школьной переменке я поймала одну и «сорвала» урок, читая прилетевшие с неба строки:

*Живите, люди!
Живите, люди!
Вы совершили свой первый подвиг,
Преодолели земную тягость,
Чтобы потомки это запомнили –
Преодолейте земные тяжбы.*

И все, включая учительницу, аплодировали. В этих запальчивых прямолинейно-наивных строчках молодой поэт – однажды и навсегда – сформулировал грандиозную (неужели когда-нибудь выполнимую?) задачу человека и человечества: преодолеть земные тяжбы! Поэт увидел глазами космонавта нашу маленькую голубую планету, летящую в бесконечном, непостижимом, холодном космосе, нашу землю – теплую, живую, нуждающуюся в любви и защите, единую, единственную для всех, ибо оттуда, из космоса видно, что:

*Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово –
Земля!
Большое
на всех языках.*

...Спустя годы, в лесу, во Владимирской области, на месте гибели Юрия Гагарина, Олжас будет стоять у стелы, поставленной в память о первом космонавте. На ней выбиты всего три слова: «Земля, поклонись человеку!»...

Люди взрослеют, и юношеская дерзость у большинства исчезает. Еще классик заметил: «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано». Но Олжас воспринял данный ему Всевышним (или природой) талант не как личный подарок, а как миссию – сделать всё возможное (и невозможное!), чтобы превратить мечту в реальность. По его собственному признанию, юноша рано задал себе вопрос: «Кто я?» Пытливый ум хотел понять не только самого себя, но и предназначение человека, чье поведение, увы, часто не соответствует определению – человек разумный... Следом возник более глобальный вопрос: «Кто мы?» И он включает все аспекты проблемы: от национальной самоидентификации: мы – казахи, к культурно-языковой: мы – тюркоязычные народы и, наконец, к межнациональной, общечеловеческой, философской: мы – люди, жители планеты Земля. Мало кто из молодых способен так остро и пронзительно сформулировать свое предназначение в поэтических строках:

*По азимуту кочевых родов,
по карте, предначертанной
историей,
по серым векам
древних городов
я протекаю бурой каплей донора.*

В этих, как и в других стихах, нет сомнений, а есть ответственность, чувство исторического долга: он – сын не только своих родителей, своего народа, но и своих безымянных предков, потомок исчезнувших цивилизаций прошлого. Такая задача, кажущаяся неподъемной и неосуществимой для скептиков и унылых реалистов, для Олжаса стала смыслом жизни. Поэт, одаренный особой чувствительностью и оснащенный знаниями в разных областях культуры и науки, остро чувствует сердцебиение истории, как живого организма: «График жизни любого народа напоминает кардиограмму. Ровная линия в медицине означает смерть. В истории – время накопления сил для нового подъема».

Геолог по первому образованию, Олжас признается: «Я по природе своей поисковик. Мне важно обозначить на карте маршрута точку возможного месторождения». Если в геологии нужно найти и добыть природные полезные ископаемые, спрятанные глубоко в недрах земли, то в археологии – отыскать и откопать рукотворные следы исчезнувших цивилизаций, погребенных под пылью веков. А интеллектуальные раскопки смысла осуществить еще сложнее, ибо нужно прорваться сквозь утрамбованный слой обветшалых истин, ставших догмами, застывших мнений, установок, предвзятостей, клише. В книге «Доброе время Восхода», вышедшей в Алма-Ате в 1964 году, в поэме

«Чем порадовать сердце» поэт пишет: «История наша – несколько вспышек в ночной степи». Но по этим вспышкам можно увидеть:

*«Сыр-Дарья погоняет ленивые желтые волны.
Белый город Отрар, где высокие стены твои?
Эти стены полгода горели от масляных молний,
Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
...Книги!
Книги горели!
Тяжелые первые книги!
По которым потом затоскует несчастный Восток!»*

Монголы уничтожили средневековую цивилизацию, разрушили цветущий город Отрар, стоявший на Великом шелковом пути, по которому шли караваны из Азии в Европу. В Отраре, как предполагают, была богатейшая библиотека, которую создал аль-Фараби. Ученые до сих пор спорят, был он тюрком или персом, этот великий мудрец, родившийся на территории современного Казахстана, в Отраре (в средневековье город назывался Фараб). Отрар расположен между реками Арысь и Сыр-Дарья. Я не знаю, ведутся ли там сейчас раскопки, но более сорока лет назад я смотрела на развалины этого древнего города, подарившего миру гения... Философ, ученый в разных областях знаний, включая астрономию, математику, логику, химию, биологию, медицину, аль-Фараби на столетия опередил свое время. Он был гражданином мира: родился в Отраре, умер в Багдаде, жил в Египте, во многих городах Азии, читал в подлиннике и комментировал сочинения Аристотеля и Платона, повлиял своими многочисленными трудами на средневековую философию и науку, и не только Западной Европы. Например, уже в XXI веке его трактаты были переведены на иврит и латынь.

Интересно, что в романе удивительного (по стилю и судьбе) писателя Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» герой разыскивает Отрарскую библиотеку. И это не случайно: Юрий Домбровский, бывший зэк ГУЛАГа, выйдя на свободу, жил в Алма-Ате, написал здесь блистательный роман «Хранитель древностей», дружил с творческой и научной интеллигенцией города, даже приходил несколько раз на молодежное литературное объединение (при Союзе писателей) и великодушно слушал наши опусы. Домбровский был дружен с Олжасом Сулейменовым, знаком с его поисками Отрарской библиотеки...

Олжас наделен благородным уникальным даром – остро чувствовать боль другого – человека, народа, страны, как свою собственную. Помню, как мы всей семьей (маленькой, потому что большинство близких погибло на фронте или было зверски убито нацистами) читали в том же 1961 году поэму Олжаса Сулейменова «От января до апреля», напечатанную в молодежной республиканской газете «Ленинская смена». Мама плакала и не могла поверить, что такая горькая правда возможна в советской прессе, где слово еврей «стыдливо» умалчивалось, подменялось общим – советский народ. Олжас был первым (еще до «Бабьего яра» Евтушенко), написавшим о трагедии евреев, и не только о Холокосте. Поэма начинается словами «Поет на идиш девочка из гетто». Чуткое ухо поэта болью отозвалось на этот «гортанный звук, настоящий в веках, в объемах уязвимых душ еврейских»... После газеты поэма была опубликована только в сборнике «Доброе время Восхода», вышедшем в Алма-Ате в 1964 году. В этом же сборнике было и другое пронзительное стихотворение «Дикое поле» – о репрессированных людях, о сосланных, насильно переселенных в Казахстан немцах Поволжья, чеченцах,

ингушах и других «малых» народах. Оно начинается словами «Страна, ты прошла испытания Казахстаном»...

*Я мог бы родиться в горах
и не зваться казахом,
или жить в белой хатке,
коров по оврагам пасти.
Всё равно –
привезли бы меня в Джезказган
вагонзаком.
Украина, прости,
О ингуш, мою землю прости!
...Ты огромною каторгой
плавал на маленькой карте.
Мы, казахи, на этой каторге
родились.*

«Глаголом жги сердца людей» – пушкинский призыв – сквозь столетия отзывается в поэзии Сулейменова, и в этом стихотворении, в повторяющемся рефреном слове-мольбе: «Прости!» Только «ушибленный звездой», пронзенный ее светом человек может попросить прощения – от имени своего народа, своей земли – за несуществующую вину. Ибо (и Олжасу это прекрасно известно) не земля и ее народ виноваты в репрессиях. В Казахстане были не только каторги (царские и сталинские), но и Байконур, и полеты в космос, и целина, и общесоюзные стройки, и нефтяные вышки, и добыча полезных ископаемых (в недрах – вся таблица Менделеева). Всех приняла и обогрела эта большая (пять Франций!) земля. Хорошая земля, приютившая в годы войны беженцев, в том числе моих родителей, уехавших вместе с трехлетней дочкой и маминой мамой последним поездом из украинского города Коростень. Родители поселились в ауле над Алма-Атой, работали учителями (папа – 40 лет директором школы). Им, бежавшим с одним чемоданчиком, выделили саманный домик. И соседи поделились с беженцами едой, принесли кошму и необходимую для жизни утварь. А через несколько дней подарили маленькую козочку. Это был не исключительный случай, а законы гостеприимства, по которым веками жил народ. (Говорят, сейчас многое меняется, и не случайно несколько лет тому назад – читала в Интернете – Олжас открыто выступил против того, чтобы Казахстан становился мононациональным государством.) Я родилась вскоре после войны и выросла в прекрасном высокогорном колхозе, рядом с горой Кок-Тюбе, на которую мы поднимались – весной за подснежниками и тюльпанами, осенью – за боярышником и шиповником. Внизу, на волнах зелени, плыла бело-розовая Алма-Ата. По воскресеньям и праздникам мы с родителями иногда спускались пешком в город, где был манящий качелями, каруселями, шашлыками и пломбиром Парк культуры и отдыха имени Горького... Когда стала работать в газете, в одной из статей «наивно» спрашивала: почему в Советском Союзе все парки названы именем Горького? Безусловно, он выдающийся писатель, но у каждого народа есть свои великие – например, у казахов – Чокан Валиханов или Абай... У меня много стихов, посвященных моему любимому городу. Они опубликованы в разных сборниках, выходивших и в Алма-Ате, и в Москве, и в Израиле. Одно из первых начиналось так:

*Я пью кумыс, и плоская земля
качает, как степная кобылица,
и я шепчу: ты – родина моя,
хоть синеглаза я и белолица...*

В Казахстане и его тогдашней столице Алма-Ате во времена моей юности советское казенное словосочетание «дружба народов» не воспринималось как лозунг. Среди моих близких друзей были казахи, русские, евреи, татары, украинцы, корейцы, немцы, чеченцы... В Алма-Ате моей юности выходили газеты, звучали радиопередачи, шли театральные постановки на казахском, русском, корейском, немецком, уйгурском языках. Иногда, после бурных литературных споров в литобъединении, мы оставались в писательском кафе или шли в шашлычную за углом. (Таких вкусных шашлыков, 25 копеек (!) штука я нигде не ела...) Выпивали по кружке прекрасного алма-атинского пива (пивоварню основал бывший ссыльный, не то немец, не то чех) и проносили, полушутя, традиционный тост – за советскую власть, которая нас всех объединила. А иначе как бы мы встретились друг с другом: Еремек, внук муллы, я, внучка раввина, Римма, внучка дедушки еврея (академика) и бабушки-немки (их сын – Морис Шамис, друг Олжаса, стал известным русским писателем Морисом Симашко). А еще были – Владик, любитель Бабеля и Шолом-Алейхема, внук семиреченских казаков-антисемитов (не путать с казахами!), Ларик, внук корейцев, Оксана, внучка раскулаченных и сосланных в Казахстан украинцев, и Алдар, внук калмыков. Только Зауреш была «коренной», из Старшего жуза. Хотя Советская власть запретила «опиум для народа», и мы были безбожниками, в весенние праздники мы угощали друг друга: Оксана и Владька – крашеными яйцами и куличом, я – мацой (мама каким-то образом доставала на Песах), Зауреш – куртотом, баурсаками и настоящим, привезенным с джайляу кумысом. Не только Наурыз, но и христианскую Пасху, и еврейский Песах мы воспринимали как праздники весны, свободы и любви (что было недалеко от истины). Алдар, предсказанный Пушкиным «сын степей калмык», снисходительно шутил, что все мы – «служители культа», а вот его предки, тибетские буддисты, по-настоящему свободны, потому что обходятся без богов и культов. Мы понимали, что судьба свела нас из-за трагических обстоятельств и сломанных судеб наших предков, но верили, что это страшное прошлое не вернется... «Дети разных народов», мы писали на русском языке, обожали русскую литературу, читали «самиздат». Многие – из портфеля уникального журнала «Простор», возглавляемого незабвенным Иваном Шуховым, было вскоре опубликовано – Цветаева, Платонов, Булгаков, Вавилов, Чижевский. (И как же льстило юному самолюбию – увидеть на страницах «Простора» и свои вирши, да еще с предисловием Олжаса Сулейменова!) Человек в нашей среде определялся не по национальности, а по поступкам. Была только одна презируемая категория людей, точнее – нелюдей. О них точно сказал Олжас: «...Серая раса – сволочи».

Я не идеализирую – ни время, ни, тем более, советскую власть. И все же, как поняла позднее – мне повезло вырасти в особой атмосфере духовной внутренней свободы (несмотря на цензуру и все запреты «государства двоемыслия»), интеллигентности и подлинной дружбы между людьми разных национальностей. «Огромная каторга» превратилась в интеллектуальное убежище, здесь родился и сформировался наш кумир, наш выдающийся друг, к которому мы запросто обращались на «ты» и звали по имени. Все – и те, кто моложе, и те,

кто был значительно старше, знали, что Олжас, если потребуется, придет на помощь каждому из нас, рискуя собственным благополучием. К сожалению, это нередко требовалось, и его поддержка всегда была быстрой и действенной. Об этом качестве его личности надо писать отдельно, сейчас сформулирую главное: Олжас Сулейменов принадлежит к редкой породе людей, для которых литература, искусство, наука, общественная деятельность и повседневная жизнь – единое целое: всё важно, каждая часть этого «пазла» дополняет другие. Слово подкрепляется делом, но и само слово – не пустой звук.

*Слово – медленный блик человеческого поступка.
Высоту, глубину и цвета извергает язык.
Повторятся в словах и глоток,
и удар,
и улыбка,
стук копыт через век
и наклон виноградной лозы.*

(Любопытно, что ивритское «давар» означает одновременно и слово, и дело, и вещь.) Для Олжаса органическая связь этих понятий несомненна. В одном из наших диалогов, опубликованном в 1985 году в московском журнале «Литературное обозрение», Сулейменов говорил: «Литература – это не просто прикосновение к правде, а попытка открыть ее, понять во всём объеме и остроте. Нужно знать всё, что накопило человечество. Все богатства, боли, беды. И надежды. В поэте должно, на мой взгляд, жить (пусть наивное!) желание помочь каждому человеку, – да что мельчить! – всему человечеству, обрести, наконец, себя в справедливости, мире, согласии. Вот тогда ты – Учитель, ты – Поэт».

Энциклопедически образованный, обладающий пытливым и бесстрашным умом поэт, изучая и сравнивая языки, наречия, этимологию, знаки, иероглифы, символы, цифры, пытается услышать первоизданное звучание слова, увидеть изначальное начертание цифры, иероглифа, по деталям «реконструировать общий праязык человечества». И еще сильнее осознать свою духовную близость с выдающимися сынами разных народов и времен, с теми, кого можно назвать Учителем:

*Я бываю Чоканом!
Конфуцием, Блоком,
Тагором!
...Так я буду стоять, пряча зубы,
у братских могил...
Я согласен быть Буддой,
Сэсю и язычником Савлом!
Так я буду молчать у подножия братских
могил...*

Первая научная книга Олжаса Сулейменова «Аз и Я» – органичное продолжение его стихов и поэм. В будущем году ей исполняется 50(!) лет. Книге предшествовали спецсеминары по текстологии, спецкурсы по «Слову о полку Игореве» (в московском Литинституте и позже – в заочной аспирантуре в Казахском университете), многолетнее штудирование древнерусских памят-

ников, тюркологии и сравнительного языкознания. Как напишет профессор КазГУ Х. Махмудов, чьи курсы и консультации по сравнительному языкознанию и лингвистике помогли начинающему ученому: «Слово о полку Игореве» он читает глазами человека глубоко заинтересованного, увлеченного, зачарованного... Что это? Биография поэта? Да, творческая биография поэта, пришедшего в науку. Без таких приверженцев, которые дня не могут прожить без словесных открытий для себя, в филологии было бы по крайней мере скучно. Побольше бы их, геологов и поэтов, ищущих, влюбленных в языкознание».

Увы, поддержки казахстанских ученых было недостаточно, ведь основные признанные специалисты по «Слову о полку Игореве» (так считалось) жили в России. Предвидя шум заскорузлых академических кругов, с присутствием им ироничным вызовом, Сулейменов вынес в подзаголовок: «Книга благонамеренного читателя». Это не помогло, а еще больше раззадорило ученых (и не только!). Еще бы – казах, пишущий по-русски, поэт, не имеющий официальных ученых званий и должностей, замахнулся на великий памятник русской культуры и посмел дать свое толкование его «темным» местам, вступил в спор с признанными авторитетами.

Сулейменов пишет в предисловии к «Аз и Я»: «Осознать космос культуры, в котором, как ядро, плавает слово, – это и есть наука чтения. Не освоив ее – невозможно писать самому. Одним из таких учебников чтения стало для меня “Слово о полку Игореве”. Более десятка лет я пытаюсь покрыть расстояния между собой и этой Вещью (“вещь” – мудрость, древнерусский)». На книгу и ее автора обрушились с таким негодованием и «праведным» осуждением, какого не бывало со времен травли «Доктора Живаго» Пастернака. Гневные речи и статьи, в том числе известных профессоров, академиков, обструкция на многочасовом заседании Академии наук СССР, разгромные рецензии в московских журналах «Молодая гвардия» и «Современник», обвиняющие Сулейменова во всех «антисоветских» грехах – фальсификации истории, казахском национализме и... сионизме (это из-за исследований во второй части книги, посвященной шумерской цивилизации и ее взаимодействию с разными народами, в том числе семитскими). Не называю фамилий – ни ученых, ни рецензентов, ибо всю жизнь стараюсь следовать великодушно-мудрому призыву Олжаса: «Возвысить степь, не унижая горы».

Конечно, в те дни Олжас получал письма и со словами поддержки от друзей, известных литераторов, ученых. Но никто не посмел публично «плыть против течения», ведь книга лежала на столе у тогдашнего секретаря по идеологии ЦК КПСС, «серого кардинала» Сулова. И тот требовал расправы, немедленной – и с Сулейменовым, и с издательством, выпустившим книгу, и с нами, авторами положительной рецензии. Мы – это я (несмотря на молодость и «пятую графу» уже заведовавшая отделом литературы и искусства молодежной газеты «Ленинская смена») и доцент (а позднее профессор КазГУ), незабвенная Рашида Зуева. Мы подружились (я первокурсница, она мой преподаватель, куратор группы) благодаря Олжасу... У нас с Рашидой была общая романтическая тайна. Если в прежние времена рыцари платонически поклонялись Прекрасным дамам, если у творческих людей были музы: у Петрарки – Лаура, у Шекспира – оставшаяся безымянной «смуглая леди сонетов», у Бетховена – Джульетта Гвиччарди, у Блока – Любовь Менделеева (и «Незнакомка» в ресторане), у нас с Рашидой был Рыцарь – Олжас Сулейменов. Мы восхищались им, как положено восхищаться Рыцарем – талантливым, великодушным, прекрасным. Мы гордились, что дружим и общаемся с

ним. Оставшись вдвоем, мы говорили о своем Рыцаре, читали наизусть его стихи, и глаза у нас вдохновенно блестели. Это не мешало нам влюбляться в других, очаровываться, разочаровываться, выходить замуж и разводиться, рожать дочерей, словом, жить обыкновенной жизнью обыкновенных женщин. Это не мешало мне брать деловые интервью у Олжаса, а Рашиде – делать критические замечания – устные и на полях его рукописей.

Работая над статьями, ставшими основой книги «Аз и Я», Сулейменов на протяжении нескольких лет советовался не только с блестящими лингвистами Х. Махмудовым и Р. Зуевой, но и с филологом, переводчиком, преподавателем древнерусской литературы Александром Лазаревичем Жовтисом. И Зуева, и Жовтис написали внутренние рецензии, рекомендовали «Аз и Я» к печати. (Без таких положительных рекомендаций ни одна книга в СССР не могла быть издана.) Эта человеческая и научная дружба, взыскательная и доброжелательная, была реальным, а не лозунговым свидетельством взаимовлияния культур и народов: талантливый, яркий поэт, казах Олжас Сулейменов, написавший книгу о величайшем памятнике славянской культуры, Рашида Зуева, татарка, родившаяся в российской глубинке, с отличием закончившая Ленинградский университет, и один из лучших советских литературоведов, эвакуированный украинский еврей, студент (в годы войны), а позднее – преподаватель, профессор КазГУ Александр Жовтис. Разумеется, и среди представителей «титупной нации» у Сулейменова было (и есть) много друзей – талантливых и знаменитых. Это были прежде всего его ровесники – поэты А. Вознесенский, Е. Евтушенко, Р. Рождественский, Б. Ахмадулина, литературные критики Евгений Сидоров и Лев Анненский и многие другие. Благословил молодого поэта, тогда студента Литинститута, Леонид Мартынов, написавший вначале добрые слова о его юношеских стихах, впервые опубликованных в «Литературной газете», а позднее – предисловие к книге стихов «Определение берега».

Но предвидел «Аз и Я» Сергей Николаевич Марков. Этот уникальный человек (по широте и глубине интересов близкий Сулейменову) – поэт, прозаик, историк, этнограф, архивист, географ – родился на заре двадцатого века в Вятской губернии. Сергей Марков путешествовал по Казахстану, любил эту землю и ее народ, а в двадцатые годы прошлого века работал в газете провинциального, с суровыми зимами и жаркими летними суховеями Акмолинска (Ақ мола – в переводе с казахского «белая могила»). Акмолинск в годы освоения целинных и залежных земель переименовали в Целиноград. Сейчас это – Астана, новая столица Казахстана, отстроенная с размахом и современным изыском. Сергей Марков посвятил Казахстану много стихотворений, написал книгу о выдающемся сыне казахского народа Чокане Валиханове, его дружбе со ссыльным Федором Достоевским («Идущие к вершинам», 1963). Марков и в Алма-Ате, и в Москве общался с молодым Олжасом Сулейменовым, разделял его научные интересы и посвятил пророческие стихи:

*В бессмертном «Слове о полку»,
Как буйная трава,
Вросли в славянскую строку
Кыпчакские слова...
Еще напишет в добрый час
О пламенной строке,
Мой юный друг, кыпчак Олжас
На русском языке.*

Строки Сергея Маркова: «Вросли в славянскую строку кыпчакские слова» послужили заголовком нашей статьи о книге «Аз и Я». Ибо они точно определяют суть подхода Олжаса к Слову – и к «Слову о полку Игореве», и к Слову вообще, в котором, если заняться его археологией, можно «раскопать» признаки взаимовлияния разных языков, в том числе древних. Позволю себе процитировать несколько строк из нашей рецензии: «...Это глубокое научное исследование, написанное талантливым поэтом, язык которого свободен от штампов, а ум – от научных предрассудков. Это поэтический трактат, созданный ученым, сочетающим в одном лице и лингвиста, и историка, и этнографа». Но ведь так и было – до нашего времени «узких специалистов» – и в древности, и в средние века, и в эпоху Возрождения. Вот как пишет об этом сам Сулейменов: «Смыслы “ученый и поэт” разделились недавно. Они выражались одним словом, в Европе – артист, в Средней Азии – чаляби, от позднего турецкого чаляб – Бог. Омар Хайям писал пространственные математические трактаты, может быть, поэтому ему так удавались в конце жизни четырехстрочные рубаи – стихи, сжатые и всеобщие, как формулы. Аль-Фараби, этот узел поэзии, философии и математики. Кто они были – поэты или ученые? Чаляби. Умеющие отгадывать символы, потому что создавали их люди чувственного ума».

*Но вечен знак над легким
пеплом букв,
над глинами,
над каменной плитой –
изогнутый лекалом мысли
звук...*

Прошло время, и отвергнутые прежде открытия Сулейменова сегодня цитируют уважаемые ученые в уважаемых научных изданиях. Многие из тех, что были приведены в нашей рецензии. Сегодня «крамольную» книгу, переизданную в 2005 году московским издательством «Грифон», может прочесть каждый желающий. И увидеть, что она не только не устарела, но стала еще актуальнее и острее. А тогда, в 1975-м, в Москву сообщили, что меры по поводу книги и рецензии приняты. У нас, конечно, были неприятности, и немалые, но, учитывая, кто требовал сурово наказать всех причастных, мы отделались легким испугом. Олжаса Сулейменова «прикрыл» Первый секретарь компартии Казахстана Д. А. Кунаев, а всех причастных – сам Олжас, воевавший за нас с присущими ему темпераментом и чувством вины.

Острая критика, обрушившаяся на книгу «Аз и Я», не только не остановила Олжаса, но, напротив, как это ни парадоксально звучит, вдохновила его продолжить и углубить исследования. Одни названия его научных книг говорят сами за себя: «Код слова», «Улыбка Бога», универсальный этимологический словарь «Тысяча и одно слово», «Пересекающиеся параллели» (введение в тюркославиистику), «Тюрки в доистории» (о происхождении древнетюркских языков и письменностей). А ведь эти работы, опирающиеся на факты истории, археологии, этнографии, лингвистики, сравнительного языкознания и других наук в поисках праязыка, близки по концепции... к истории о Вавилонской башне, то есть к Торе, или (в переводе на греческий) – Библии. Она излагается в 11 главе первой книги Пятикнижия – Книги Бытия. И сказано там: «Было время, когда весь мир говорил на одном языке, пользовался одними и теми же словами». Дальше цитировать и пересказывать нет смысла: любой

образованный человек знает эту историю (или притчу, легенду) о Вавилонской башне (на иврите Мигдаль Бавель). Поскольку из иудаизма вышли еще две монотеистические религии, то история эта есть и в христианстве, и мусульманстве. (Между прочим, многие серьезные ученые сегодня утверждают и доказывают, что Тору не следует понимать буквально, и «притчи» – это метафорически рассказанные свидетельства реальных событий. Но это – уже другая тема...) Летом 1990 года в Дубулты, в Доме творчества писателей судьба подарила мне счастье общения с Александром Петровичем Межировым. Большой поэт, невероятно эрудированный человек, в том числе в теории литературы и лингвистике, Межиров был историком по образованию и философом по складу ума. Однажды мы обсуждали книги Олжаса Сулейменова, с которым Межиров был дружен и творчество которого высоко ценил. Говорили и о многолетних «археологических раскопках» Сулейменова в поисках праязыка. А вечером я написала это стихотворение:

*Среди грузных горилл
и каракулей тучных овечьих
мне поэт говорил
про единую речь человечью.
Он душою приник
к этой мгле, молчаливой и млечной,
и единый язык
прорывался в мычании речи.
Словно не замечал
силуэта враждующей башни,
вавилонских зеркал
и кривых отражений вчерашних.*

Межиров замечал. И предсказывал стремительное падение очередной вавилонской башни, именуемой Советским Союзом...

В 1983 году в Париже вышла «Глиняная книга» Олжаса Сулейменова с предисловием французского поэта, переводчика, профессора Сорбонны Леона Робеля. Приведу только небольшую цитату: «...Давно уже наш раздробленный мир не слышал такого сильного голоса: мы признаем Сулейменова наследником или преемником Гильгамеша, Гюго, Хлебникова, одним из тех, чье величие естественно».

О Гильгамеше французский переводчик упомянул не случайно. Во второй части книги «Аз и Я» – «Шумер-Наме», посвященной шумеро-вавилонской цивилизации, Олжас Сулейменов изучает и «Эпос о Гильгамеше» – величайшее произведение Древнего Востока. Написанный клинописью на древнейшем семитском языке – аккадском, эпос создавался на протяжении полутора тысяч лет на основе шумерских сказаний, на тысячу лет раньше «Илиады» Гомера и задолго до появления Библии (Торы). «Миф о Всемирном потопе, – пишет Сулейменов, – не был библейским изобретением. Сюжет этот описан и в аккадском эпосе о Гильгамеше (“Всевидающем”)». И дальше – смелое предположение (со сравнительным анализом слов и знаков) – о взаимовлиянии шумерского, аккадского и других семитских языков с индоевропейскими языками, с древнетюркским, китайским, монгольским. Это не только научные выводы Сулейменова, он пишет об исследованиях и открытиях ученых разных стран. Например: «Памятники орхоно-енисейского письма, случайно открытые в Сибири шведским офицером, сосланным в Сибирь после

Полтавы, ждали два века исследователей, пока финские ученые не решили, что сибирские руны могут иметь отношение к прошлому финнов. Надписи на камнях Енисея и Орхона напоминали каменное письмо Скандинавии. Из скандинавских народов только финны вышли из Азии, может быть, они и принесли каменное письмо на север? Финны издали первые атласы памятников сибирского письма. Привлекли к ним внимание всех палеографов Скандинавии...

Датчанин, рунолог В. Томсен в 1893 году нашел ключ, при помощи которого расшифровал известные надписи... Ему удалось выделить из текстов орхонских надписей первое слово – Тенгри. Этим словом открылась новая глава истории азиатских скифов. Этим волшебным словом для меня открылась еще одна глава, повествующая о шумеро-тюркских контактах».

Когда-то гениальный ученый и поэт, русский чаляби Михайло Ломоносов определил поэзию как сопряжение далековатых идей. Казахский чаляби Олжас Сулейменов видит поэзию в сопряжении «далековатых» языков, знаков, символов, цифр. Ибо они только на поверхностный взгляд кажутся «далековатыми»: «На сколько вопросов происхождения семитских и европейских буквенных систем ответила бы попытка сопоставительного изучения тюркских рун? – спрашивает Олжас Сулейменов. – Поэтому я тратил годы на исследования скандинавских рун, этрусских надписей, вызывая искреннее недоумение наших тюркологов, решительно не понимавших, зачем казахстанцу ворошить мертвые культуры чужих территорий. Этот территориальный принцип, стремление решать проблемы этногенеза, не высовываясь за пределы государственных границ, установленных в 19–20 веках – не что иное, как попытка рассматривать историю народа вне связи с человечеством».

У разнообразной политической и общественной деятельности Сулейменова (не стану перечислять все важные посты и должности – есть Интернет) та же цель, что у литературы: принести пользу людям, добиться результата. Таких явных результатов немало – например, организовал и возглавил международное движение за отмену (и отменили!) ядерных испытаний «Семипалатинск – Невада». Или – грандиозный проект «Великие миграции», затеянный Олжасом Сулейменовым под эгидой ЮНЕСКО, когда он был послом Казахстана в ЮНЕСКО. В этих конференциях, посвященных важнейшим событиям в доистории и истории человечества, принимали участие ученые разных стран, и проходили они в Париже, Нью-Йорке, Сеуле, Гранаде, Иерусалиме... Девять лет тому назад, когда мы встретились перед началом конференции в Иерусалиме, духовном центре трех религий, Олжас сказал, что результатом всех этих конференций станет «первая историческая коллективная работа, которая объяснит людям происхождение рас, типов, национальностей. С точки зрения научной, философской, общечеловеческой, наконец. При всем своеобразии и уникальности человечество едино».

Нынешняя конференция Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО – продолжение предыдущих. От археологии слова – к археологии цифр, ведь цифра, как верно подметил Сулейменов, – универсальная система знаков. В кратко и четко сформулированных тезисах конференции – десятки тем для исследований, которые, как надеется Чаляби, продолжат идущие следом молодые ученые, аспиранты, студенты разных стран... Аксакал разработал и проложил необычный, сложный, но невероятно интересный маршрут интеллектуального путешествия. Вот несколько цитат: «Археология письменного знака позволит совершить настоящие открытия – не молчаливых артефактов, происхождение и значение которых приходится истолковывать, а строки и страницы начальных глав интеллектуальной истории человечества». Или: «Происхождение всех приведенных цифр является культурным плодом взаимодействия и взаимозависимости народов древнего мира». Говоря об этом мире, Сулейменов вновь возвращается к государству шумеров, живших в Месопотамии. Олжас пишет: «На берегах двух великих рек, Тигра и Евфрата, когда-то возникло и существовало первое государство (община), в котором за тысячелетие-другое собралось многоэтническое население с разными культурами. Удивительно, но эта пестрая община не распадалась, разноверцы не враждовали. Историки могут считать шумер первым собранием взаимозависимых культур». (Интересно, что Авраам, предок евреев, происходил из Ура, крупнейшего города Шумер.)

Историк и нумеролог Сэмюэль Крамер заметил: «Глубокая связь Библии с шумеро-аккадской культурой, мифологией, литературой очевидна». В шумерской общине, кроме шумерского, три народа – аккадцы, вавилоняне и ассирийцы – говорили на одном из древнейших семитских языков, аккадском. Кочевники-семиты вытеснили его арамейским, близким ивриту. Арамейских слов много в Торе, на арамейском написаны Вавилонский и Иерусалимский Талмуды и священная книга о Каббале, которая, по сути, является мистическим комментарием к Торе – такой глубины и силы, что доступна Каббала только избранным. Это общеизвестные факты. Олжас Сулейменов, на примере некоторых цифр и короткой фразы «Шумер – не ме» убедительно доказывает связь шумер с древними тюрками-огузами. В этих тезисах много интересных объяснений. Например, почему у первых письменных языков – арамейского и иврита написание справа налево. И почему позднее другие народы, поклонявшиеся не луне, солнцу, стали писать слева направо. Замечу, что и сегодня в семитских языках сохранилось это написание – справа налево. И сохранились многие древние слова, из языческих времен, в почти неизменном звучании. Например, слово, обозначавшее ассирийского Бога солнца – Шамаш в современном иврите стало словом шемеш – солнце. Приехав в Израиль, я неожиданно для себя услышала знакомые слова, только в несколько иной транскрипции. Например, казахское (очевидно, из арабского) имя Лейла (ночь) тут звучит как Ляйла (тоже ночь), а имя Мадина на иврите Медина – страна. Таких примеров довольно много.

В одном из наших диалогов Олжас мечтал о мирной, объединяющей человечество дороге: «От прошлого – к настоящему, от настоящего – к будущему, от человека к человеку. Дорога – это то, что должно соединять. Это особенно остро ощутимо в наш век, когда “со” – уже не приставка, а корень. Он в солнце, в союзе, в содружестве и... даже в этом отчаянном – SOS!» Олжас верил, что Со-чувствие, Со-страдание, Со-участие, Со-звучие, объединение племен и народов станут возможны через 20-30 лет... А когда (Боже мой, уже в 21 веке!)

мы встретились в Иерусалиме и я напомнила наш давний разговор, Олжас с грустью заметил, что мир пришел к противоположному – войнам, терактам и вражде даже между близкими народами. И кровавое прошлое двадцатого века ничему человечество не научило. Прочитую отрывок из нашего иерусалимского диалога: «Мы с женой сегодня были в музее “Яд ваШем”, где очень крупно, зримо показано, к каким трагическим последствиям приводит слепой национализм. Причем речь идет не только о Холокосте еврейского народа, но и о духовном Холокосте немецкого, об обнищании духа общечеловеческого. Масштабы уничтожения – чудовищны, а суть его мелка. Все национализмы, если они не сочетаются с другими чувствами, мелкие по сути. Это всегда путь к разрушению и саморазрушению. Когда-то, на одной из конференций по национально-освободительному движению стран Азии и Африки, я изложил формулу Дороги: от веков зависимости – через период независимости – к эпохе осознанной взаимозависимости. Я в Казахстане постоянно об этом говорю. Получая независимость, люди уползают в нее, как черепахи – в панцирь. Да, независимость важна для национального духа, но мы должны осознавать свою взаимозависимость – с соседями по региону, с соседями по планете, со всеми людьми. Вот разве орган может существовать отдельно от организма? Представь себе (смеется) – отдельную почку, самостоятельную. И ни от кого не зависимую. Или другой орган. Так любой народ – взаимозависим».

Прошло девять лет, и начались новые войны, и произошли новые теракты. К страшным датам – 11 сентября 2001 года добавились 24 февраля 2022 года и 7 октября 2023 года. И много других кровавых дат – не столь масштабных, но не менее убийственных. Мир, как никогда прежде, приблизился к краю пропасти. Но Олжас Сулейменов именно в это тяжелое время организывает конференцию, посвященную не разрушению, а созиданию, посвященную цифрам – свидетельствам плодотворного взаимовлияния культур. Потому что «война – это противостояние человека своему учителю – природе». Природе противостоит не только война. Мы загрязняем ее разнообразным мусором, злыми мыслями и словами. Мы очищаем ее дружбой. Есть мудрая заповедь на иврите: «Не открывай рот Сатане». Потому что Слово – это Поступок. Слово может и убить, и исцелить. Слово может сотворить невозможное. Об этом я написала однажды, в тяжелую минуту, вспоминая алма-атинскую юность:

*И только беспечное слово
туда возвращает меня,
где жизнь счастливой подковой
прибита к копыту коня...*

Если еще остается вера в Человека с большой буквы, если Бог не уничтожил человечество, так это только благодаря таким, как ты, Олжас! Спасибо тебе, Чаляби!

